

Юлия Сложеникина, Андрей Растягаев
«Трудолюбивая Пчела» А. П. Сумарокова (декабрь):
метатекст и повествовательная модель

Название первого русского прамасонского журнала «Трудолюбивая Пчела» мотивировано широкой просветительской программой А. П. Сумарокова, чьи религиозно-философские воззрения вполне сложились к 1759 г. и требовали артикулированного оформления в форме коллективного периодического издания. Журнал опирался на целенаправленную дидактическую программу: читатель приобщался к элитарной культуре, а затем и к тайне иероглифического знания масонства.

По замыслу издателя, «Трудолюбивая Пчела» должна была дать читателю материал для ежемесячного упражнения в скромности, добронравии, любви к отечеству, трудолюбию и одновременно перевести информационное воздействие на метатекстовый уровень. Повествовательное единство каждого номера имело четкую семантическую иерархию: смысловое ядро и свободную периферию. Ядро организовывало журнальный метатекст, а периферия способствовала образованию нарративных связей, создавая контекст для целостного мировосприятия сообщения.

Ядром семантической структуры декабрьского номера «Трудолюбивой Пчелы» стало небольшое по объему прозаическое произведение «СОН, ЩАСТЛИВОЕ ОБЩЕСТВО»¹, ставшее впоследствии камнем преткновения как для исследователей русской литературы XVIII в., так и для литературоведов, историков, филологов, обращавшихся к проблеме жанра утопии или утопизма

© Julia Slozhenkina, Andrei Rastiagaev, 2011

<http://www.utoronto.ca/tsq>

¹ Далее «Трудолюбивая Пчела» — ТП; «СОН, ЩАСТЛИВОЕ ОБЩЕСТВО» — «Сон». Текст «Сна» и других публикаций цит. по: Трудолюбивая Пчела: Генварь [— декабрь] 1759 года. Вторым тиснением. СПб.: При Императорской Академии наук, 1780. 769 с. Страницы указаны в круглых скобках, орфография и пунктуация оригинала сохранена.

в целом. Причиной тенденциозной интерпретации «Сна» стало искусственное его перемещение в иной контекст, нарушавший структурную целостность нарративного ансамбля декабрьского номера сумароковского журнала.

Первым шагом в этом направлении стало «второе тиснение» ТП в типографии Академии наук в 1780 г., уже после смерти А. П. Сумарокова. Предположительно переиздание стало возможным благодаря усилиям директора Академии наук С. Г. Домашнева, близкого к М. М. Хераскову и Н. И. Новикову. В XVIII в. журнал — это издание «долговременного активного пользования», предназначенное «для нескольких поколений читателей»². Не исключалась возможность его переиздания через 20—40 лет после выхода оригинала. Так, «вторым тиснением» был напечатан журнал «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие», московское «Детское чтение для сердца и разума» было переиздано два раза: один раз во Владимире, другой — в Москве. Таким образом, переиздание ТП — явление обычное для XVIII в. В то время не было понятий «вчерашние» газеты или «старые» журналы.

Издание 1780 г. — точная копия ТП 1759 г., номер к номеру. Незначительное отличие от оригинала — единые обложка и пагинация номеров с января по декабрь — выглядело вполне оправданным традиционным компромиссом. Однако новое поколение читателей держало в руках уже совсем иное издание, точнее, новое метатекстовое единство. Интерпретация коммуникационной стратегии нового повествовательного целого требовала более изоцированной декодировки. Концептуально-идеологическое задание «второго тиснения» ТП осталось прежним, но рефлексивное обыгрывание текста автором / читателем в границах одного номера утратилось.

В дальнейшем трансформации подверглась и авторская интенция Сумарокова — автора и издателя ТП. Так, в качестве источника современные исследователи «Сна» чаще всего указывают различного рода антологии и хрестоматии, что имплицитно разрушает метатекстовую целостность оригинала. В результате жанр сумароковского произведения однозначно определяется

² Рак В. Д. Статьи о литературе XVIII века. СПб.: Издательство «Пушкинский Дом», 2008. С. 84.

как утопия, которая удачно вписывается в «прочную традицию жанра» в русской литературе. Место сумароковского «Сна» оказывается между древнерусскими хождениями и «Путешествием в землю Офирскую г-на С... швецкаго дворянина» М. М. Щербатова³. Например, Д. В. Бугров, цитируя текст по антологии «Русская литературная утопия» (М.: МГУ, 1986), видит в Сумарокове зачинателя жанра «русской социокультурной утопии», в которой «воплотился рационалистический идеал нового времени...»⁴.

Даже уважаемый И. З. Серман в качестве цитируемого источника указывает сборник «Русская сатирическая проза XVIII века» (Л.: Изд-во ЛГУ, 1986). Традиционный диахронный сопоставительный анализ «Сна» и «Другого хора ко превратному свету» исследователь дополняет неожиданным включением в утопический дискурс трагедии Сумарокова. Избранный исследователем язык описания предопределил и еще более расширенный контекст: от знаменитого перевода Тредиаковского «Езда в остров любви» до фонвизинского «Сида». Популярность оригинальных утопических романов Таллемана и Террасона и их переводных вариантов, по мысли Сермана, определили интерес русских писателей, в том числе и Сумарокова, к жанру утопии: «...утопия как жанр позволяла о многом говорить гораздо более откровенно, чем это возможно в других литературных жанрах»⁵. Таким образом, в утопиях Сумарокова подчеркивается их сатирический пафос — «критика всей социальной структуры российского государства»⁶. В результате жанр «Другого хора ко превратному свету» однозначно определяется как политический памфлет. «Сон» же, по Серману, «остался на страницах „Трудолюби-

³ Тараканова А. Д. Русская литературная утопия второй половины XVIII века // Ученые записки казанского государственного университета: Гуманитарные науки. Казань, 2009. Т. 151. Кн. 3. С. 39.

⁴ Бугров Д. В. Политико-правовые идеи в русской социокультурной утопии второй половины XVIII в. // Проблемы истории России. Екатеринбург: НПМП «Волот», 1998. Вып. 2. С. 227.

⁵ Серман И. З. Мечтательная страна Александра Сумарокова // Философский век. Альманах. Вып. 13. Российская утопия эпохи Просвещения и традиции мирового утопизма / Отв. редакторы Т. В. Артемьева, М. И. Микешин. СПб.: Санкт-Петербургский Центр истории идей, 2000. С. 217.

⁶ Там же. С. 221.

вой пчелы“ 1759 г. и не создал какой-либо традиции в русской литературе»⁷.

Фундаментальный труд другого метра отечественного литературоведения Б. Ф. Егорова «Российские утопии: исторический путеводитель» (СПб.: Искусство—СПБ, 2007) убедительно опровергает подобную точку зрения. Напротив, по мысли ученого, «мотив сна, используемый в литературе всех веков и народов, кажется, впервые появился в истории русских утопий» — «Сне» Сумарокова⁸.

Действительно, ровно через два года после закрытия «Трудолюбивой Пчелы», также в декабрьском номере, но уже другого журнала — «Полезное увеселение» — был напечатан «Сон» С. Г. Домашнева. По форме это жанровый вариант русской утопии, явно повторяющий топику сумароковского «Сна»⁹. По-видимому, в 1819 г. (издан в 1928 г.) была написана по-французски утопия А. Д. Улыбышева «Сон» («Le reve»), в которой явлено новое общество, основанное на торжестве истинной религии, культе единого Бога, догматах бессмертия души, страдания и посмертного воздаяния¹⁰. Таким образом, опубликовав «Сон» в декабрьском номере ТП, Сумароков все же создал традицию в русской литературе. Только вот какую?

Очевидно, что это не поэтологическая традиция, связанная с мотивом «сна» или жанром утопии. Это прецедент особого рода журнального метатекста. По мысли В. С. Киселева, «главная заслуга журнального метатекста — это приход к осознанию ведущей роли коммуникативной стратегии в создании повествовательного единства»¹¹. В основе коммуникативной стратегии ТП —

⁷ Там же. С. 224.

⁸ Егоров Б. Ф. Российские утопии: исторический путеводитель. СПб.: Искусство-СПБ, 2007. С. 72.

⁹ Обзор и критику современных книг по литературной утопии см.: Витенберг Б. Путешествия в мир утопий (Обзор книг по литературной утопии) // Новое литературное обозрение. М., 2008. № 93. С. 327—337.

¹⁰ Нечкина М. В. Декабристская «утопия» // Из истории социально-политических идей. К 75-летию академика В. П. Волгина. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 378—384.

¹¹ Киселев В. С. Метатексты в русской прозе XVIII столетия: эволюция повествовательных форм // Известия РАН. Серия литературы и языка. М., 2006. Т. 65. № 3. С. 26.

трансляция религиозно-философских воззрений А. П. Сумарокова.

Издатель первого русского частного журнала был одним из первых русских масонов. По свидетельству Михаила Олсуфьева, Р. И. Воронцов и А. П. Сумароков состояли в Ложе, которую относили к французскому рыцарскому масонству шотландской системы. В нее в середине 1750-х гг. входило 35 человек¹². Первые русские масоны стремились «постичь законы разума и на основании этих законов построить жизнь своего духа и тела»¹³. По мысли масонов, правильная иерархия духовных ценностей была нарушена в ходе развития цивилизации. Божественный нектар естественного разума превращен «змеей гордости» в яд ложного просвещения.

Масоны верили, что нужно перестраивать общественные отношения, восстанавливая улей -- правильную иерархию моральных ценностей. Для этого необходимо истинное Просвещение, которое воздвигнет совершенное здание государственного устройства, основанное на естественной религии, естественном праве и естественном языке. Человек должен стать трудолюбивой пчелой и постичь «науку семи должностей», обратившись к естественному нектару — Мифологии. Однако еще более полезен мед — мудрость древних (Эпиктет, Сократ, Эсхин, Платон, Сенека, Марк Аврелий, Лукиан, Цицерон) и новых (Муре, Гольберг, Фонтенель, Вольтер) писателей-моралистов.

Екатерининские масоны ощущали себя еще и наследниками «русской святости»: именно масонство дало первым русским интеллигентам целостное мировоззрение. Оно парадоксальным образом сочетало в себе черты западного «утопического социализма», масонства и русского сектантства¹⁴. Не случайно Г. В. Флоровский считал, что «вся историческая значительность русского масонства была в том, что это была психологическая аскеза и собирание души»¹⁵.

¹² См.: Лонгинов М. Н. Новиков и московские мартинисты. М.: Тип. Грачева и К., 1867. С. 92—93.

¹³ Вернадский Г. В. Русское масонство в царствование Екатерины II. СПб.: Издательство имени Н. И. Новикова, 1999. С. 39.

¹⁴ См.: Новиков В. И. Круговращение «ветхого Адама» // Общественная наука и современность. М., 2002. №5. С. 168—169.

Таким образом, коммуникативная стратегия ТП — это своего рода «собрание души», включающее «рассудочное равнодушные стоического типа», «утомление житейской суетой», «доктрическая брезгливость», «прямая любовь к смерти» и «подлинная трезвость сердца»¹⁵. Уникальность издательского опыта Сумарокова в том, что новое повествовательное единство создавалось с ежемесячной периодичностью, а сама периодичность журнала и его тираж в 1200 экземпляров порождали качественно иное социокультурное пространство.

Декабрьский номер ТП состоит из девяти разделов:

- I. Речь о пользе и превосходстве свободных наук
- II. Есихина Сократического Философа о Добродетели
- III. Из Тита Ливия
- IV. Сон
- V. Из Гольберговых писем
- VI. К издателю Трудолюбивой Пчелы
- VII. О копиистах
- VIII. К несмысленным рифмоторцам
- IX. Расставание с Музами (768)

Семантическое ядро номера — «Сон» А. П. Сумарокова (738—747). Это четвертый (IV) из девяти (IX) разделов последней журнальной книжки, которая начинается «Речью о пользе и превосходстве свободных наук, говоренной Марком Антонием Муретом, пресвитером, законоучителем и гражданином римским в Венеции 1555 году» в переводе Н. Н. Мотониса (707—722) и заканчивается знаменитым «Расставанием с музами» А. П. Сумарокова (768). На последней странице между стихотворением и традиционным оглавлением набрано: «ТРУДОЛЮБИВОЙ ПЧЕЛЕ КОНЕЦ» (768).

Эсхатологический дискурс задается редакторской коммуникативной стратегией. Двойное прощание, с музами и с читателями, предвосхищено периферийными статьями, которые помещают сумароковскую утопию «Сон» в диахронный контекст жанровый традиции. Одновременно создается новое метатекстовое единство в пределах декабрьского номера — общий коммуника-

¹⁵ Флоровский Г. В. Пути русского богословия. Вильнюс: Вильчис, 1991. С. 114.

¹⁶ Там же. С. 115.

тивный код, задающий сквозную тему. Без знания особого тематического ключа, без наличия общей с издателем и авторами ТП памяти «Сон» Сумарокова - всего лишь очередная утопическая концепция «государственного устройства, которая строится на рационализме, идеале просвещенной монархии, культе государства»¹⁷.

Открывает декабрьский номер переводная статья «Речь о пользе и превосходстве свободных наук, говоренная Марком Антонием Муретом, пресвитером, законоучителем и гражданином римским в Венеции 1555 году»¹⁸. Марк Антуан Мюре (1526—1585) — франко-итальянский гуманист, чьими блестящими ораторскими произведениями восхищались современники, сравнивая его с Цицероном и Вергилием. Русский XVIII в. также высоко оценил прозу и поэзию Мюре¹⁹.

«Речь» Мюре произнесена в защиту риторики, филологии и стихотворства: «Многих я знаю, которые о свободных науках имея сие твердо в мыслях своих вкоренившееся мнение, почитают: что упражнение в оных маловажно и не нужно...» (707). Хулители свободных наук считают гуманитарные знания бесполезными и невостребованными, «видя, что упражняющиеся в оных ни к каким важным делам не приглашаются, ни к суду, ни к защищению просителей, и что их совета в нужных случаях не требуют...» (710). Философия, «правительница жития человеческого», полезна, поскольку учит, «что полагать за предел и конец совершенного благополучия», «сколько родов добродетелей и пороков», «как надобно поступать в правлении своего дому», «какими обычаями, установлениями, законами исправлять общества, какое оным полагать основание...» (712).

Однако из этого не следует, что словесная «наука суетна и смехотворна», способна лишь «услаждать детские сердца праздным неким увеселением» (714). Литература не «безплодные вымыслы праздных людей, но в них вся изящная наука, все честного человека достойное знание, вся премудрость будто под по-

¹⁷ Тараканова А. Д. Русская литературная утопия второй половины XVIII века. С. 42.

¹⁸ Далее «Речь».

¹⁹ См.: Берков П. Н. Литературные интересы Ломоносова // Литературное творчество М. В. Ломоносова: Исследования и материалы. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1962. С. 64.

кровом и одеждою содержится» (714—715). Античные философы уважали поэтов: сам Платон стихотворцев «иногда божиими посланниками и сынами называет» (715), Аристотель же утверждает, что «всякой Философ баснолюбец» (716). Поэтому филолог, толкуя «стихотворческие книги не праздными басенками по обыкновению кормилиц сердца веселит, но посеивает добродетель и учение...» (716—717). Более того, Мюре называет красноречие силой, которая «по своему произволению на все стороны сердца слушателей преклоняет», которая «утешает сетующих, страждущих ободряет, падших восстанавливает», которая «беззаконным погибелью, неповинным защитою, злодеям страхом, добродетельным людям есть украшением» (717). Безоружный Цицерон оказался сильнее вооруженных врагов: создал книги «о самом высшем благополучии и крайнем несчастии» (720), токованием которых Мюре собирается заняться в будущем. Заканчивает оратор страстную речь призывом к сенаторам поощрять упражнения в свободных науках, чтобы «правление сего благополучнейшего общества» могло «подражать впредь ... благоразумию» (722).

Перевод «Речи» Мюре Н. Н. Мотониса помещен в начале декабрьского номера ТП не случайно. Именно он дает тематический ключ к нарративной стратегии метатекстового единства, определяя его проблематику и поэтику. Центральная проблема номера — счастливое общество, в основании которого положена человеческая добродетель. Поэтому естественным образом «интерес к философии уступает место этике» (Степанов, [html](#)) в следующих статьях декабрьской книжки ТП — в двух переводах Г. В. Козицкого «Есхина сократического философа разговор о добродетели: Можно ли оную приобрести учением»²⁰ (722—734) и «Из второй книги историй Тита Ливия Патавиана. О походе Фабиев противу веевтян»²¹ (734—738). Однако поэтологическая парадигма утопического дискурса задается двумя знакомыми для этого жанра фигурами — Платоном и Цицероном. Хотя, по утверждению О. М. Фрейденберг, «„видение“ божьего, звездного града принадлежит не им только»²², а свойственно античному со-

²⁰ Далее Эхин «Разговор о добродетели».

²¹ Далее Тит Ливий «История».

²² Фрейденберг О. М. Утопия // Вопросы философии. М., 1990. № 5. С. 160.

знанию на глубинном уровне, все же «Сон Эра» и «Сон Сципиона» - генетические инварианты всех мировых утопий Нового времени, включая и «Сон» Сумарокова.

Эсхин (390-е гг. до н. э.) — древнегреческий философ, автор нескольких сократических диалогов, в которых развивается идея об Эросе как элементе моральной педагогики. Божественный Эрос противопоставляется знанию софистов - платных учителей добродетели²³. В переведенном Козицким «Разговоре о добродетели» Сократ задает Другу вопрос: «Можно ли научить кого, быть добродетельным, или нет? а когда последнее истинно, то от естества ли бывают люди добрые, или иным каким образом?» (722). Друг не в силах ответить, тогда Сократ предлагает «о сем поразсуждать» и формулирует вопросы таким образом, что каждый из них ставит Друга в тупик.

Философ не думает, «что бы можно было научить добродетели» (728). Более того, «добродетели учить дело не возможное» (729). Добродетель есть «божественное некое дарование, и люди бывают добрыми не иначе как провещатели и прорицатели. Ибо и сии ни искусством, ни от природы таковыми бывают, но божиим мановением» (732—733). Поскольку «добродетели ни научить ся не можно, ниже от естества получить, но стяжающие оную приемлют непосредственно от судеб божиих», то добродетельные люди избраны свыше. Русский переводчик ни разу не упоминает имени Эроса, о божественном даре которого собственно и идет речь у Эскина. Поэтому высшее избранничество вполне естественно коррелирует в читательском сознании либо с идеей христианской святости, либо с масонством.

Следующая статья номера - перевод из «Истории» Тита Ливия - как раз и повествует о таком избранном римском роде — роде Фабиев. Идея основного исторического труда Тита Ливия (59 г. до н. э. — 17 г. н. э.) — прославление героики и патриотизма предков. Он не исследователь, а литератор, который повествует о событиях без и их анализа. Тем не менее для современников Ливий был общепризнанным авторитетом, а для потомков, особенно в эпоху гуманизма, он стал прославленным писателем.

²³ Солопова М. А. Эсхин // Новая философская энциклопедия. URL: <http://iph.ras.ru/elib/3577.html> (дата обращения 06.05.2011).

Переведенный Г. В. Козицким отрывок из II книги «Истории Рима от сотворения Города» Тита Ливия посвящен походу Фабиев против вейентов. Любопытно, как лаконично рассказывает ту же историю, но в полном объеме римский автор IV в. Секст Аврелий Виктор в сочинении «О знаменитых людях». Он повествует о подвиге трехсот шести Фабиев (479—478 гг. до н. э.), смерть которых, с одной стороны, спасла Рим, с другой — окрасила повседневную жизнь римлян в траурные тона. С тех пор день гибели рода назван «несчастливым», а ворота — Проклятыми. Приведем текст полностью, поскольку он, по сути, является фабулой истории без свойственного Титу Ливию пафоса:

«Когда римляне воевали с вейентами, род Фабиев потребовал, чтобы борьба с этими врагами была предоставлена именно ему, и против вейентов выступило триста шесть Фабиев под предводительством консула Фабия. Неоднократно одержав над ними победу, они разбили лагерь на берегу реки Кремеры. Вейенты, прибегнув к хитрости, выгнали на противоположном берегу на виду у них свой скот; бросившись за ним, Фабии попали в засаду и были перебиты все до одного. День, когда это произошло, был объявлен несчастливым (неприсутственным). Ворота города, через которые они вышли, названы были Проклятыми. Один только представитель этого рода был оставлен дома ввиду несовершеннолетия, он и продолжил род до Квинта Фабия Максима, сломившего силы Ганнибала своей выдержкой»²⁴.

В отличие от Секста Аврелия, Тит Ливий «создал „поэтическую эпопею в прозе“», написанную «сильным, эмоционально захватывающим языком»²⁵. Историю похода Фабиев против вейентов Тит Ливий разделяет на две части. В первой речь идет о предыстории противостояния вейентов и римлян, о решении Сената поручить войну на этом направлении одному роду — роду Фабиев и о торжественном проводе трехсот шести патрициев. Во второй части повествования все триста шесть римских патрициев, попав в западню, гибнут на поле боя.

²⁴ Секст Аврелий Виктор. О знаменитых людях // Римские историки IV века / Отв. ред. М. А. Тимофеев. М. РОССПЭН, 1997. С. 179—224 [Электронный ресурс]. URL: <http://ancientrome.ru/antlittr/aur-vict/vir-ill-f.htm> (дата обращения 18.10.2011).

²⁵ Черемухина Н. М. Историография I в. до н. э. // Лосев А. Ф. Античная литература / Под. ред. А. А. Тахо-Годи. М.: ЧеРо, Омега-Л, 2008. С. 432.

Г. В. Козицкий, признанный знаток древних языков, делает точный перевод текста Тита Ливия. Однако он берет только первую часть истории, начиная со слов: «Получив удар от Веентян безразсудностию одного Консула Римляне потеряли бы все войско, естли бы Кесон Фабий в самое то время не подоспел на помощь» (734). Заканчивает переводчик XVIII века так: «А когда они мимо замка, мимо Капитолии, мимо других храмов шли, тогда все единомышленно возсылали молитвы к богам не только тем, на коих храмы взирали, но и которые в то время представлялися их мыслям, что бы идущему воинов собранию щедротами своими щастие и благополучие даровали, и скорым онаго при ненарушимом здравии возвращением обрадовали родителей их и все отечество» (378). У Тита Ливия на этом текст первой части не заканчивается. Козицкий отсекает последние три предложения, которые представляют собой риторическое «забегание вперед». В переводе В. М. Смириня звучит оно так: «Тщетны были эти мольбы. Несчастливой улицей вышли они через правую арку Карментальских ворот из Города и дошли до реки Кремеры. Это место показалось подходящим для постройки укрепления»²⁶.

Таким образом, Козицкий намеренно обрывает повествование Тита Ливия, лишая историю трагической развязки. Патетика древнеримского автора используется русским переводчиком для создания общей для всего номера ТП коммуникативной стратегии. Намеренное умолчание последних фраз античного автора разрушает композиционную целостность первоисточника. Возникающий диссонанс дискурсов порождает новую, уже метатекстовую целостность. Непосредственно после переведенного отрывка помещается «СОН, ШАСТЛИВОЕ ОБЩЕСТВО» Сумарокова, т. е. буквально на одной странице приводятся слова Тита Ливия, переведенные Козицким как «щастие» и «отечество» (у Смириня — «счастлив» и «отчизна»), которые прямым образом рифмуются с заглавием сумароковской утопии.

Помимо явного формального композиционного единства предшествующей статьи и «Сна», налицо и общность метатекстового порядка. Так, история триста шести Фабиев коррелирует с религиозно-философскими взглядами издателя ТП и его окру-

²⁶ Ливий Тит. История Рима от основания Города / Пер. В. М. Смириня: В 3 т. М.: Наука, 1989. Т. I. [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.rus.ec/b/135750/read#t14> (дата обращения 09.06.2011).

жения — мировоззрением первых русских масонов. Елизаветинское правление оценивалось ими как хаос, когда государству чужда идея законности, а обществу несвойственна добродетель.

Именно такова ранняя история Рима, обусловившая легендарный поход Фабиев против вейентов. Это племя поставило под угрозу само существование Города как Космоса, «ухищренным образом от себя отвращая войну миром, а мир войною» (734). Регулярные нападения вейентов не представляли для Рима серьезной военной опасности, однако морально разлагали общество, «дух ... в огорчение приводили», нарушая «величество» и «покой» народа (735, 376). Консул, после того как род Фабиев пришел в Сенат, выступил от лица всех, сказав, что «война с Вейентями не так многочисленного войска, как безпрестанного требует сопротивления» (735). Поэтому он просит поручить эту войну одному его роду — тремстам шести избранным. Причем Фабии «на сию войну будто как на свою домашнюю собственное иждивение употребить ... намерены» (735). После положительного решения Сената «Фабиев превозносили до небес похвалами за то, что один род принял на себя бремя всего общества, говорили, что война противу Вейентян из общей зделалась учасною, и участным иждивением и старанием будет производиться» (736).

Особое место в повествовании Тита Ливия занимает торжественный ритуал — прохождение войска Фабиев через Город: «Не видал еще никогда Рим такого войска, которое бы так малоллюдно было, и с толикою славою и всенародным удивлением шло через город» (737). За ними следовал сонм «родственников и приятелей, которые ни страхом не были одержимы, ни надеждою, и не имели в мыслях своих ничего, что бы малым и подлым могло назваться, но все чрезвычайное, все высокое» (737). Далее переводы Козицкого и Смириня различаются. Козицкий вводит персонифицированную фигуру Другого, которому принадлежат слова: «Шествуйте, храбрые мужи, шествуйте благополучно; дай Бог, что бы предприятия ваши безпрепятственно желаемого достигли конца; и по возвращении вашем имейте твердую надежду, что мы вас возведем на Консульския достоинства, и победоносному оружию вашему торжественный вход в сей город дозволим» (737). У Смириня это место переведено так: «Им желают сил, желают удач, чтоб не хуже начинания был исход; а на дальнейшее — и консульских должностей,

и триумфов, и всех наград, всех почестей»²⁷. Таким образом, Козицкий не только отсекает текст Тита Ливия, но и включает в свой перевод слова-маркеры, призванные создать диссонанс дискурсов. В данном случае это слово «Бог», написанное с прописной буквы и употребленное в единственном числе, хотя уже на следующей странице «молитвы к богам», т. е. со строчной буквы и во множественном числе. Подобные маркеры встречаются в переводе Козицкого и ранее: «Римские ... полки» (735), «приказ ... всем в ружье» (736), «вышедши в сени» (376), «сонм» (737). Соответственно в переводе Смирин «римские легионы», «приказ ... в оружии явиться», «выйдя из дома», «толпа»²⁸. Благодаря словам-маркерам сюжетное развертывание происходит одновременно в двух локусах: Риме V в. до н. э. и Петербурге второй половины XVIII столетия. Таким образом, читатель ТП оказывался в особом социокультурном пространстве, координаты которого жестко заданы общей точкой зрения переводчика-нарратора и издателя-автора.

Подобная коммуникативная стратегия реализуется и в семантическом ядре декабрьского номера — «Сне» Сумарокова. Текст начинается словами: «Заснув *некогда* (здесь и далее курсив наш — Ю. С., А. Р.) увидел я в успокоении моем мечтание благополучия общества, приведенное в такое состояние, какового несовершенство естества достигнуть может» (739). Наречие *некогда* в семиотике относится к категории т.н. эгоцентрических слов, то есть таких, которые определяют субъектную, пространственную и временную локацию в схеме: автор — текст — читатель — среда. Наличие этих маркеров — типичный признак художественной литературы. Однако, по наблюдениям А. А. Шунейко, масонские тексты «можно отнести к числу неэгоцентрических, то есть таких, для которых эгоцентрические слова оказываются неактуальными»²⁹. Слово *некогда* не проясняет время, о котором идет речь. В тексте «Сна», как и в большинстве масонских текстов, транслируемая информация существует «за пределами категорий авторства (источника, лица), времени и места» (Там же). Модальность такого текста размыта. Благодаря зачину «Сон» пере-

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Шунейко А.А. Масонская символика в языке русской художественной литературы XVIII — начала XXI веков. Хабаровск: Изд-во ДВГУ, 2006. С. 9.

стает соотноситься с хронотопом существования автора и читателей. Такие координаты, как «заснув некогда», а проснулся под звон колоколов, которые «стали звонить и меня разбудили», не дают читателю никакого представления о соотносимости художественного времени ни с годовым, ни с месячным, ни с суточным циклом жизни человека.

Временная граница, обозначенная словом *некогда*, отсылает нас к библейским текстам, в которых таким образом разделялось время несмысленного безбожия и осмысленной веры в единого Бога. Аллюзивно можно реконструировать идейную связь с «Посланием к Римлянам Святого Апостола Павла»: «Я жил *некогда* без закона» (Рим. 7: 9); «ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божиим» (Рим. 7: 22). В вину язычникам апостол Павел вменяет то, «что они исполнены всякой неправды, блуда, лукавства, корыстолюбия, злобы, исполнены зависти, убийства, распри, обмана, злонравия, злоречивы, клеветники, богоненавистники, обидчики, самохвалы, горды, изобретательны на зло, непослушны родителям, безрассудны, вероломны, нелюбовны, непримиримы, немилостивы» (Рим. 1: 29—31). Таким образом, граница, обозначенная словом *некогда*, отделяет время, когда люди жили плотскими похотями и помыслами от времени обретения Божественных заповедей. Освящая неопитов, апостол Петр проповедовал: «Но вы — род избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел, дабы возвещать совершенства Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет; *некогда* не народ, а ныне народ Божий; *некогда* непомилованные, а ныне помилованы» (1 Петр 2: 9—10).

Очевидно, и для Сумарокова жизнь по закону отличает сообщество от общества: именно закон помогает несовершенной человеческой природе достичь совершенства. Заснув *некогда*, т. е. непосвященным, и пройдя (во сне) путь духовного саморазвития, автор-сновидец проснулся под звон колоколов освященным человеком. Приятие текста «Сна» для читателя есть путь приобщение к Божественной истине.

Пространственными маркерами-существительными служат слова *отечество* (частотность — 3) и *страна* (частотность — 3): «ревность ко услугам *отечеству*» (743); «как защитники *отечества* народом почитаемы» (746); «приносят они сугубую славу своему *отечеству*» (747); «был я в мечтательной *стране*» (738); «*страна* сия

обладается великим человеком» (739); «благочестие не допускающее примеситься себе суеверию в сей стране» (740).

Эгоцентрическим словом-лидером оказывается наречие *там(о)*. Оно фиксируется в тексте 10 раз: «главное Светское правление называется *там*, Государственный совет» (741); «а грамоте *тамо* все знают» (742); «дети *тамо* за отеческие прослуги не наказываются» (743); «не имеют *тамо* люди ни благородства, ни подлордства» (743); «преступить закон *там* народ весьма опасается»; «и так не судьбы *там* страшны, но суд»; «всякая наука, всякое полезное упражнение, всякое художество, и всякое ремесло... *тамо* в почтении» (743—744); «слово тунядец жестокая *тамо* брань» (744); «пьянство ... так же в великом *тамо* презрении» (744); «привычка ... и мужество еще не довольны *тамо* для Военачальника» (746).

«Мечтательная страна», отечество для своих подданных, таким образом, располагается в нелокализованном бытийном метафизическом пространстве. Категория места указывается, но не называется — это Рай, абстрактная область, в пределе охватывающая все воображаемое пространство. Семантически очерчиваемый контур благоденствующего мира соотносим с наречием *езде*. Единственным локализатором, выстраивающим параллель между мнимым и реальным миром, является местоимение *наши*. С его помощью субъект видения показывает читателю объем книги законов, которым подчиняется счастливое общество: «Книга узаконений их не больше *нашего* Календаря».

Присутствие автора явлено в тексте шестью местоимениями *я* — двумя в начале повествования («Заснув некогда увидел *я*...»; «начну *я* собственно ево особою») и четырьмя в финале («Больше бы *мне* еще грезилось; но *я* живу под самую колокольню: стали звонить и *меня* разбудили, и лишили *меня* сего приятнейшаго привидения»). Композиция «Сна» оказывается закольцованной точкой зрения нарратора.

Текст «Сна» образует, таким образом, замкнутую систему, и этот факт имеет символическое обоснование. Массонство предполагало возврат к потерянной со времен Золотого века гармонии, равенство человека и Бога в обладании знанием. Эволюция духовной жизни масона — это обретение утраченного, движение по кругу, образующее мифологическое время, где конец и начало

могут меняться местами. Я — это центр, совмещающий в себе всю совокупность предшествующего и последующего.

В финале субъективизм автора нарочито усиливается лексическим повтором косвенных форм личного местоимения я. Заключительное обращение к Богу: «Дай боже, что бы сны подобные сну сему многим видилися, а особливо наперсникам фортуны» (747), — образует ступенчатую восходящую иерархию я — наперсник фортуны (Государь) — Бог.

В тексте «Сна» обнаруживаются приемы языковой экспликации понятий «всеобщность», «соборность», «обилие». Приобщенность каждого члена счастливого общества к истине, единение в постижении и следовании социальной гармонии выявляется и на лексическом уровне — в употреблении определительного местоимения *весь* в его словоформах, в составе сложного слова, а также лексем *всякий*, *иной* этого же разряда, прилагательного местоимения *многий*:

все (встречается 7 раз): «...*все* дела выслушивает терпеливо», «*все* они люди великаго учения...» (740), «...грамоте тамо *все* знают» (742), «...*все* они на одном естественном законе основаны» (742), «ибо *все* им возвращается» (743), «*все* воинския начальники (одолженны) прежде быть рядовыми, *все* нижние степени прйти...» (746);

всех (5 употреблений): «всех подданных своих приемлет он ласково» (739); «книга... у *всех* выучена наизусть» (742), «во *всех* судебных местах» (742), «дела во *всех* приказах вершатся...» (742), «те... у *всех* в презрение приходят» (743);

всего(во) (2 раза): «благочестие...есть основание *всего* народного благополучия» (740), «...лишается судья и чина своего, и *всево* имения» (743);

всем: «войски ...снабденны *всем*» (746);

всеми: «к суровой жизни военные люди *всеми* мерами стараются привыкнуть» (746);

всенародный: «...ибо и они [забавы Государя] на *всенародной* основаны пользе» (739);

всякий (5 раз): «*всякая* наука, *всякое*...упражнение, *всякое* художество и *всякое* ремесло ...в почтении» (743-744), «*всякой* военачальник...» (746), «во *всякое* время к бранному походу готовы» (746);

иной: «получить ево милость нет *иной* дороги кроме достоинства» (739);

многий: «...чтобы сны подобные сну сему *многим* виделись» (747).

Таким образом, отсутствие конкретных локаций, ирреальная модальность обуславливаются идеологическими установками масонства, в соответствии с которыми оно осуществляет хранение и трансляцию всеобщих Божественных знаний и истин. Они универсальны: существуют всегда, всюду и для всех. Они обязательны и для жителей «мечтательной страны», и для читателей ТП.

«Сон» Сумарокова сочетает в себе жанровые признаки основных видов утопий литературы русского Просвещения: эвномии (государственной утопии) и эвпсихии (педагогической утопии идеального воспитания)³⁰ (См.: Приказчикова 2010, 7). Однако смыслопорождение, заданное периферийными текстами декабрьского номера ТП, уже предвосхитило возникновение утопического дискурса вне времени и пространства, обнажив его генезис и целый комплекс мифопоэтических структур. «Речь» Муре маркирует метатекст декабрьского номера именами Платона и Цицерона, отсылая соответственно к текстам «Государства» и «О государстве». «Разговор» Эхшина о добродетели открывает огромный простор для философского дискурса, генетически связанного с утопией, с проблемой естественной религии и естественного права, перекидывая мостик к этическим доктринам Юма и Канта. Отрывок из «Истории» Тита Ливия утверждает идею долга избранного рода патрициев перед Государством. Кроме того, усекая текст первоисточника, русский переводчик провоцирует читателя на самостоятельный герменевтический поиск. Легко восстановить финал истории подвига трехсот шести Фабиев: погибли все, остался в живых только один юноша, не мобилизованный по малолетству. Однако именно ему и суждено в будущем не только продолжить род, но и утвердить славу Рима в веках. Указание на то, что отрывок «Истории» Тита Ливия взят из II книги, отсылает читателя ТП и к славной истории Сципиона, сгущая смысл метатекста, порождая повторную аллюзию на цицероновский «Сон Сципиона».

³⁰ См. Приказчикова Е. Е. Культурные мифы и утопии в мемуарно-эпистолярной литературе русского Просвещения: автореф. дис.... д-ра филолог. наук: 10.01.01. Екатеринбург, 2010. С. 7.

Известно, что одна из первых моделей утопии описывается Платоном в Книге IV «Государства». Начинается повествование с поэтологического посыла: «Сейчас мы лепим в нашем воображении государство, как мы полагаем, счастливое, но не в отдельно взятой его части, не так, чтобы лишь кое-кто в нем был счастлив, но так, чтобы оно было счастливо все в целом; а вслед за тем мы рассмотрим государство, ему противоположное» (Платон 1994, 189). Подобным образом по принципу антитезы автор-издатель ТП после «Сна» публикует отрывок «Из Гольберговых писем» в переводе И. Борисова (748—755) и две статьи собственного сочинения — «О копистах» (757—762) и «К бессмысленным рифмотворцам» (763—767).

Людвиг Хольберг (1684—1754) — классик датско-норвежской литературы, автор утопии «Подземное путешествие Нильса Клима» (1741). Роман был написан на латинском языке, вскоре переведен на русский. Главный герой попадает в подземное царство и посещает «разные страны, в том числе страну Поту (анаграмма — Утопии), где правят по разумным и гуманным законам, а изменяют их только тогда, когда это одобрено большинством народа»³¹.

Хольберг считал себя «моралистом, все свое научное и художественное творчество подчинял воспитательным задачам»³². В 1748—1754 гг. он создает пять томов писем — «Epistler». В них Хольберг рассуждает о добродетелях и пороках, католицизме и Реформации, критикует заблуждения XVIII столетия. Тематика писем во многом созвучна религиозно-философской доктрине ТП и проблематике комедий Сумарокова 50-х гг. Так, «Epistola XII» высмеивает педантов, в «Epistola XXI» и «Epistola LXVIII» автор восхищается разумным устройством пчелиного улья и превозносит добродетели трудолюбивых насекомых, сравнивая их с людьми. В ряде писем 1748 г. (например, «Epistola LXIV» и «Epistola XC») Хольберг рассуждает о роли иностранных слов в датском языке, говорит об уместности того или иного заимствования.

³¹ Храповицкая Г. Н. Хольберг // История всемирной литературы: В 8 т. / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1983—1994. Т. 5. 1988. С. 263.

³² Румер О. Гольберг // Литературная энциклопедия: В 11 т. М.: Изд-во Ком. Акад., 1929—1939. Т. 2. 1929. С. 588.

Как нам удалось установить, в декабрьском номере ТП под заглавием «Из Гольберговых писем» (748—755) публикуется перевод «Epistola CCLXXXIII» (1750) Людвига Хольберга, сделанный Иваном Борисовым. Долгое время автором статьи (или переводчиком) считался сам Сумароков³³. Однако еще в 1979 г. Н. С. Демкова описала рукописный сборник XVIII в., озаглавленный «Разность и приятность»: «Рукопись в 1°, 106 л., написана писарским почерком второй половины XVIII в. (филиграни „Pro Patria“, литеры „SKW“), переплет картонный. Аккуратно переписанная книга начинается с посвящения (л. 1) „ея императорскому высочеству ... великой княгине Екатерине Алексеевне“ от имени А. П. Сумарокова („Умом и красотой, и милостью богиня. ... Минерва будь моя!“) и сочинениями самого Сумарокова (л. 2—5 — „О первоначалии и созидании Москвы“, затем идут его „Пригчи“, эпиграммы и письма, выписки из „Трудолюбивой Пчелы“). За ними следуют переводы „из Гольберговых писем“ (переводчики Иван Борисов и Андрей Нартов), басня Д. И. Фонвизина „Лисица-казнодей“, загадки, выписки о травах...»³⁴. Из этого следует, что, во-первых, Иван Борисов не вымышленное лицо, а реальный человек, во-вторых, И. Борисовым и А. Нартовым, вероятно, было переведено несколько писем Хольберга. В. Д. Рак предположил, что переводчики ТП пользовались изданием писем скандинавского автора 1748—1754 гг.³⁵. Теперь можно с уверенностью сказать, что в декабрьском номере ТП был опубликован перевод письма Хольберга за № 283 из III тома «Epistler»³⁶.

И. Борисов сделал точный построчный перевод с датского языка, однако убрал из текста статьи слово *датский* (употреблено 4 раза): «Вы хотите знать от меня, как самым лучшим образом слово Петиметер изобразить можно. Я сам долгое время в изоб-

³³ См.: Иванов С. Л. История щегольской лексики в русском языке XVIII—XX вв.: дис. канд. филолог. наук: 10.02.01. М., 2003. С. 56-78.

³⁴ Демкова Н. С. Древнерусские рукописи и старопечатные книги в некоторых собраниях США // Труды Отдела древнерусской литературы. Л.: Наука, 1979. Т. 34. С. 393.

³⁵ См.: Рак В. Д. Статьи о литературе XVIII века. С. 172.

³⁶ Holbergs Lud. Epistola CCLXXXIII (Epistel nr. 283) // Epistler, Befattende Adskillige historiske, politiske metaphysiske, moralske, philosophiske, Item Skiemtsomme Materier. Kiøbenhavn, 1748—1754. Т. III. Н. 421—425

ретении онаго все трудился. И для сего спрашивал я у других, которые сильнее меня в языке; однако до сего времени ни кто не имел щастия найти такова слова, которое бы точное тому знаменование имело. Некоторыя думают, что слово Петиметер можно всего способнее так выразить: двуногий комар...» (748). В оригинале говорится о *датском* слове и *датском* языке: «Du forlanger af mig at vide det beqvemeste Danske Ord, hvormed en petit Maitre kand betegnes. Jeg haver længe forgiæves grundet derpaa: Jeg haver ogsaa raadført mig med andre, som ere kyndige i det Danske Sprog; men ingen haver kundet hitte paa et Ord, som haver fornøjet mig. Nogle meene, at paa en petit Maitre best kunde passe sig det Danske Ord Spradebasse. Men saadant Ord befatter ikkun en liden Deel af de mange Qvaliteter, som en petit Maitre besidder. Vor tilfælles Ven Theodorus meener, at en petit Maitre allerbeqvemest paa Dansk kunde kaldes en tobeenet Oldenborer, saasom fast ingen Dyr, sværme, støje og incommodere meere end saadanne Insecter» (Hольберgs 1750, 421). Отсутствие слова *датский* в русском переводе снимает маркированность национального локуса и переводит проблематику статьи из сферы языка в область дискурса. Кроме того, *petit Maitre* оригинала обозначено в русском тексте по принципу транслитерации *Петиметер*. Это слово в 1759 г. уже знакомое читателю ТП.

Во французском языке словосочетание *petit maitre* впервые упоминается в мемуарах Пьера Брантома (1533—1614) как шутовское обращение молодых дворян друг к другу. К концу XVII — началу XVIII вв. у этого сочетания появляется негативная коннотация — «избалованный знатный щеголь». В середине XVIII столетия петиметр — предмет сатирического изображения в европейской литературе: у П. Мариво в «Исправившемся петиметре» (1750), у Л. Хольберга в «Epistler» (1750), у А. П. Сумарокова в «Чудовищах» (1750). Уже к 1753 г. слово *петиметр* прочно закрепляется в русской публицистике благодаря Ломоносову, Сумарокову, Елагину, Щербатову. Из этого можно сделать вывод: публикация в ТП статьи «Из Гольберговых писем» продиктована общим коммуникативным замыслом декабрьского номера. Петиметр — слово-маркер иного, противоположного «мечтательной стране» Сумарокова пространства. Петиметр манифестирует все французское — от «новомодного платья» до «Парижской Комедии». Он знак государства, устройство которого по принципу отрица-

тельного параллелизма составляет оппозицию одновременно и платоновской, и сумароковской утопиям.

Род петиметров «никогда не вымрет, покамест не заляжет дорога между другими городами и Парижем» (750). Столица Франции однозначно маркирована как *locus infernos*: «...Париж есть прямое и собственное место, где сии овощи рождаются, и куда изо всех земель молодья люди в великом числе приезжают снимать образцы с Парижских подлинников, в чем они удивительно щастливы» (750). Петиметры не случайно уподоблены комарам, обезьянам и медведям. Платон, заканчивая «Государство» мифом о загробных воздаяниях, повествует о видении воина Эра. Он был принят за умершего, приготовлен к погребению, но неожиданно ожил и рассказал свой сон. Особенно запомнилось Эру, «как разные души выбирали себе ту или иную жизнь». Смотреть на это зрелище было «жалко, смешно и странно»: чаще всего «выбор соответствовал привычкам предшествовавшей жизни». Среди последних Эр «увидел душу Терсита, этого всеобщего посмешища; она облачалась в обезьяну»³⁷. По Гомеру, Терсит — неутомный крикун, самый уродливый и злоречивый из греков, оскорбивший недостойной речью Агамемнона. Петиметр тоже «животное критикованное, критикующее и критикуемое», «говорит много, а не думает почти никогда» (753).

Хольберг различает французских и английских петиметров. Француз «познается по своему циркулем вымеренному и уставному убору, по пустым и ни чево незначащим речам...» (754). Английский петиметр «различается от других, коротким и непудренным париком, платком на шеи... нахальными и подлыми речами» (755). Из всего следует, что «Французский Петиметр, походит на обезьяну, а Аглинской может уподоблен быть медведю» (755). Хотя оба «с великим трудом домогаются, чтоб их больше между людьми не числили» (755).

После ругательного письма Хольберга Сумароков помещает письмо «К издателю „Трудолюбивой пчелы“». Г. А. Гуковский предположил, что цель публикации - желание «подчеркнуть, что он, Сумароков, не одинок, что нажим на него вызовет отклик в целой группе дворянства... целого «общества», какого-то круж-

³⁷ Платон. Государство // Платон. Собрание сочинений: В 4 т. М.: Мысль, 1994. Т. 3. С. 419.

ка, организации»³⁸. Учитывая масонский характер издания, теперь можно однозначно утверждать, какое общество имеется в виду. Это все трудолюбивые почитатели ТП, разделяющие религиозно-философские воззрения елизаветинского масонства.

Читатель, подписавшийся К..., выражает «благодарность всех любящих Словесные науки, и особливо Российской язык, котораго вы силу и красоту в разных ваших сочинениях к общей пользе и удовольствию открыли, и что еще и ныне новыми Вашими изданиями их удовольствие продолжаете, оставляя способности и правила вам подражать... (755—756). Читатель обращается к издателю ТП «от некоторого общества, которых благородные мысли ответственны знатности их и благождению» (756). В локусе декабрьского номера ТП это и Мюре, и Платон, и Цицерон, и Сократ, и Эсхин, и Тит Ливий, и все триста шесть Фабиев. Это все общество «мечтательной страны» Сумарокова, чье подлинное счастье противостоит дурной привычке российских петиметров «снимать образцы с Парижских подлинников» (750).

Уже к концу 1759 г. литературное творчество становится для Сумарокова «не инструментом просвещения, а инструментом преобразования унаследованного порядка бытия». Миссию литератора он уподобляет «творцу, стоящему при дверях царства справедливости и нравственности»³⁹. Частный случай несправедливости гофмаршала Сиверса, запретившего переписчикам театральных ролей носить шпаги, воспринимается Сумароковым чрезвычайно остро. В статье «О копистах» он буквально набрасывается на «род подъяческий», который «претворился ... в клопа и вполз на Геликон, ввернулся под одежду Мельпомены и грызет прекрасное тело ея» (759). Утопия, на страже которой стоит Сумароков, может быть разрушена одним «благовонным клопом», который низвел копистов до низжайшей степени подъячих. Отсюда праведный гнев автора статьи: «А ежели они подъячия, по тому только что они пишут; так и я подъячий; ибо и я пишу» (762). Более того, Сумароков первый раз использует мотив «ухода

³⁸ Гуковский Г. А. Сумароков и его литературно-общественное окружение // История русской литературы: В 10 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941—1956. Т. III: Литература XVIII века. Ч. 1. 1941. С. 382.

³⁹ Живов В. М. Первые русские литературные биографии как социальное явление: Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков // Новое литературное обозрение. М., 1997. № 25. С. 54.

из речи», грозит: «я больше ни чево Драмматического писать не стану, и слова своего я не отменю» (763).

«Уход из речи» — устойчивый архетип культуры. М. Н. Виролайнен предполагает, что в его генезисе две составляющие: «одна — идеологическая, восходящая к текстам Нового Завета», «другая связана с культурным механизмом, уходящим корнями в фольклор и языческую обрядовую практику»⁴⁰. Сумароковское «Драмматического писать не стану» своего рода обет молчания, отказ от собственного голоса, присущий особому лицу или социальной группе, которая совершает переходный обряд. С одной стороны, это продолжение нарративной стратегии «Сна» Сумарокова, где субъект видения «мечтательной страны» проходит путем платоновского Эра и воскресает или просыпается после временной или мнимой смерти. Совершив переход через границу двух миров, Эр утратил статус воина и стал вестником из загробного мира. Сумароков, запуская вновь культурный механизм архетипа «ухода из речи», дает понять, что претендует на качественно иную социальную роль. Его не устраивает роль драматурга, несмотря на всероссийскую и европейскую славу, и он отказывается от нее в статье «О копистах». Сумароков готов и к еще большей утрате — отказу от стихотворства.

В статье «К бессмысленным рифмоторцам» в пределах декабрьского номера ТП давняя принципиальная полемика с Ломоносовым и его принципами одописания не является сюжетообразующей. Развивается заявленный в предшествующей статье мотив «ухода из речи», который на этот раз обусловлен авторской рефлексией самого процесса переживания жертвенной ситуации. Сатирический пафос очевиден с самых первых слов: «Я не знаю кратчайшего способа стати Стихоторцем, как выучившись грамоте, научиться узнати что стопа, а ето наука самая легкая, и только трех часов времени требует» (763). Объект и предмет сатиры также ясен, особенно для читателей ТП — современников Сумарокова. Однако на протяжении всей статьи ощущается особая внутренняя напряженность, которую невозможно понять вне метатекстовой коммуникативной стратегии декабрьского номера в целом. Среди едких пассажей-императи-

⁴⁰ Виролайнен М. Н. Речь и молчание: Сюжеты и мифы русской словесности. СПб: Амфора, 2003. С. 454.

вов: «врите друзья мои изо всей силы» (763), «не пишите только Трагедий; ибо в них невежество Автора паче всего открывается» (763), «слагайте несмысленные Виршесплетатели Оды; лишь только темнее пишите» (764) — выделяется один: «А ежели вы хотите последовать искренности моей; так учитесь сперва, и то ежели имеете способность, и пишите; но сделайте то с первыми сочинениями своими, что сделал я со своими, девять лет писав; бросьте все оныя в печь; сие жертвоприношение Аполлону приятнее будет, нежели издание вашего вздора в печати» (764). Именно мотив жертвы меняет вектор сюжетного развертывания статьи «К несмысленным рифмоторцам» от сатирической памфлетности в сторону искренности и исповедальности. Исповедальный дискурс предполагает принципиально иной тип коммуникации. Исповедь, как и молитва, это, по Ю. М. Лотману, особый текст, построенный по принципу Я — Я коммуникации. Ее цель — не передача информации Другому, вовне, а именно рефлексия, направленная на саморазвитие говорящего или пишущего, на переход автора исповедального текста в иной статус⁴¹.

Исповедальный дискурс задается самим заглавием статьи. Сумароков обращается к *несмысленным* стихоторцам в духе библейской традиции. Тематическим ключом являются пять случаев словоупотребления слова «несмысленный»(-ые): три в Ветхом Завете (Пс. 31: 9; Пс. 91: 7; Втор. 32: 6) и два в Новом Завете (Лк. 24: 25; Гал. 3: 1).

Псалом 31 озаглавлен «Псалом Давиду, разума» и содержит увещание людей к покаянию. Стих «Не будите яко конь и мек, имже несть разума: бродами и уздою челюсти их востягнеши, не приближающихся к тебе» обращен «ко всем людям, особенно грешникам, чтобы они не противились Господу, подобно неразумным животным, не ожидали, пока Он посредством наказаний заставит их (бродами и уздою) идти к Нему, но чтобы свободно, в раскаянии приближались к Нему»⁴². Псалом 91 озаглавлен «Псалом песни, в день субботный» в нем «прославляется милость

⁴¹ См.: Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров // Семиосфера. СПб.: Искусство-СПБ. 2000. С. 165.

⁴² Афанасий Великий. Толкования на псалмы // Памятники церковной письменности. М.: Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1994. Т. IV. С. 36—423 [Электронный ресурс]. URL:

<http://www.wco.ru/biblio/books/afanv2/Main.htm>

Божия к верным и праведный суд в наказании нечестивых»⁴³. Стихи 6 и 7 «Яко возвеличишася дела Твоя, Господи: зело углубишася помышления Твоя. Муж безумен не познает, и неразумив не разумеет сих» утверждают мысль о том, что дела Господни «непостижимы для ума человеческого; премудрость, сокрытая в делах Божественного творения и промысления о мире, настолько глубока и удивительна, что нам совершенно невозможно в сей жизни обнять ее своими мыслями»⁴⁴.

Вероятно, именно псалтирная топка задает исповедальный дискурс статьи «К бессмысленным рифмоторцам». Сначала автор советует начинающим поэтам пройти через очистительную жертву первых неудач, а затем ссылается на свой личный опыт покаяния: «Был некогда и я сему подвержен согрешению, которому вы себя подвергаете и слабыя стихи выпустил» (765). Сумароков оправдывает собственный грех особым ученическим статусом: «...я был то зделати несколько принужден, да они же и выпущены как от ребенка, и не от меня, но от Кадетского Корпуса напечатаны, для показания только моего ученичества, а не Стихотворства» (765). Ссылается на метафизическое одиночество, на которое обречен всякий истинный поэт: «Я будто сквозь дремучий лес сокрывающий от очей моих жилище Муз без проводника проходил» (765).

По словам св. Афанасия Александрийского, исповедание есть «благодарение, воздаваемое с хвалением»⁴⁵ (Афанасий Великий 1994). Следуя псалтирной топике, автор «К бессмысленным рифмоторцам» также выражает благодарность учителям: «Русским языком и чистотою склада, ни Стихов, ни Прозы, не должен я ни кому кроме себя: да должен я за первыя основания в Русском языке отцу моему, а он тем должен Зейкену, который выписан был от ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКАГО в учителя, к господам Нарышкиным, и который после был учителем ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВТОРАГО» (765—766). Затем поется слава и хвала русскому языку: «Я люблю наш прекрасный

⁴³ Там же.

⁴⁴ Разумовский Г. И. Объяснение Священной книги Псалмов. М.: Православ. Св.-Тихон. Богосл. ин-т, 2002. 990 с. [Электронный ресурс]. URL: http://azbyka.ru/hristianstvo/bibliya/vethiy_zavet/razumovskiy_psalmi_oglavleniye-all.shtml (обращение 07.06.2011).

⁴⁵ Афанасий Великий. Толкования на псалмы [Электронный ресурс].

язык, и стал бы радоваться ежели бы познав онаго красоту в нем Русския люди больше нынешнего упражнялися и успехи получали, и чтобы не язык, но свое нерадение обвиняли...» (766). Наконец завершается статья укорением нечестивых, которые наносят русскому языку порчу: «Правописание наше подьячия и так уже со всем испортили. А что свойственно до порчи касается; Немцы насыпали в него слов Немецких, Петиметеры Французских, предки наши Татарских, Педанты Латинских, Переводчики Священнаго писания Греческих, опасно, чтобы Кирейки не умножили в нем и Польских слов. Немцы склад наш по Немецкой учредили Грамматике. Но что еще больше портит язык наш? худыя Переводчики, худыя Писатели; а паче всего худыя Стихотворцы» (767).

Таким образом, проблематика статьи не исчерпывается сатирическим пафосом: ее коммуникативная стратегия вписывается в новое метатекстовое единство декабрьского номера ТП. С одной стороны, текст «К несмысленным рифмотворцам» призван отвратить от стихотворства молодых людей, с другой — напротив, прямо направляет их по тернистому пути служения Музам. Наконец, исповедальный дискурс статьи активизирует топику покаяния, подчеркивая мотив жертвенности — отказ от первых ученических стихотворных опытов, переход в качественно новый статус мастера, просветителя начинающих поэтов.

Завершает последний номер ТП знаменитое стихотворение Сумарокова

РАСТАВАНИЕ С МУЗАМИ

Для множества причин
Противно имя мне писателя и чин;
С Парнаса нисхожу, схожу противу воли,
Во время пущего я жара моево,
И не взойду, по смерть, я больше на нево;
Судьба моей то доли.
Прощайте музы на всегда!
Я более писать не буду никогда (768).

Чаще всего данное стихотворение связывают с цензурным запретом ТП, вызванным некоей конфликтной ситуацией при

дворе⁴⁶. А. Фельдберг склонен интерпретировать сюжет «разлуки с Мельпоменой» как попытку Сумарокова представить на «монарший суд» очередной театральный конфликт, а мотив «отречения от литературы», как своеобразную угрозу-шантаж, «подобно тому, как герой трагедии Сумарокова угрожает заколоться, если не выполнят его требования»⁴⁷.

Однако коммуникативная стратегия метатекста декабрьского номера ТП предполагает иную интерпретацию. Зная о возможном закрытии журнала с лета 1759 г., Сумароков продолжает его издание до конца года, пытаясь реализовать на практике утопическую идею воспитания просвещенного дворянина. По мысли, В. М. Живого, в конце 1740-х гг. «именно утопическое величие целей побуждает Сумарокова расстаться с предсказуемой дворянской карьерой и вступить на путь литературы»⁴⁸. В конце 1759 г. издатель ТП последовательно отказывается от драматургии, стихотворства и уходит из речи, как ему кажется, навсегда. Последняя фраза декабрьского номера ТП «ТРУДОЛЮБИВОЙ ПЧЕЛЕ КОНЕЦ» есть свидетельство отказа от издательской деятельности. Это уже третье по счету символическое указание на осознанный выбор вполне определенного типа писательского поведения. Совершая своеобразный обряд тройного отречения, Сумароков обозначает претензию на новый статус литератора. Он «должен быть столь же высок, как статус вельможи, поскольку заслуги поэта перед монархом и государством не меньше, если не больше, чем заслуги государственного деятеля или полководца». Более того, «уход из речи» Сумарокова — это не театральная поза актера-трагика или банальный шантаж Елизаветы Петровны, к ней-то он на этот раз в меньшей степени апеллировал. В данном случае «уйти из родной речи — уйти из плоти, то же,

⁴⁶ Гуковский Г. А. Сумароков и его литературно-общественное окружение. С. 381—382; Шамрай Д. Д., Берков П. Н. К цензурной истории «Трудолюбивой пчелы» А. П. Сумарокова // XVIII век. Сб. ст. М.; Л.: АН СССР, 1962. Сб. 5.

⁴⁷ Фельдберг А. Несколько мотивов «Поэтической автобиографии» А. П. Сумарокова // Toronto Slavic Quarterly. Summer 2005. № 13 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.utoronto.ca/tsq/13/feldberg13.shtml> (дата обращения 07.06.2011).

⁴⁸ Живов В. М. Первые русские литературные биографии как социальное явление: Тредиаковский, Ломоносов, Сумароков. С. 54.

что умереть, сгореть, утратить все, что подлежит утрате — ради обретения, не отличимого от потери»⁴⁹. И неважно, что в действительности к поэтической и журналистской деятельности Сумароков вернулся уже в 1760 г., а к большой драматургии — в 1768 г. Он и уходил, чтобы вернуться, как платоновский Эр, неожиданно проснувшись на погребальном костре, чтобы рассказать важное. Ответить на самый главный вопрос, как Апостол Павел:

Но скажет кто-нибудь: как воскреснут мертвые? и в каком теле придут?

Безрассудный! то, что ты сеешь, не оживет, если не умрет.

И когда ты сеешь, то сеешь не тело будущее, а голое зерно, какое случится, пшеничное или другое какое;

но Бог дает ему тело, как хочет, и каждому семени свое тело (1Кор 15:35—38).

Только мы, «несмысленные и медлительные сердцем, чтобы веровать всему, что предсказывали пророки» (Лк. 24: 25), можем смотреть, но не видеть чуда воскресения, как не замечаем возвращения уже несколько столетий Сумарокова. Он вернулся, но совершенно в ином облике, как и напороочил себе в декабрьском номере ТП.

Таким образом, коммуникативная стратегия журнального метатекста ТП превращала любое событие российской действительности в источник символических интерпретаций, не разрывая связи с бытовой обстановкой и запуская когнитивный механизм читательского восприятия разного уровня. В. С. Киселев пришел к выводу, что в конце XVIII столетия метатекстовые повествования стали реализовывать новые модели циклизации. В них «аллегорические проекции смысла позволяли связать произведения, различные по жанру, тематике, сюжету, превратив их в части некоего универсального и иерархически построенного кругозора, на низшем уровне которого читатель мог оставаться эмпирически чувствующим и мыслящим существом, а на высшем превращался в герметического мудреца»⁵⁰. Предпринятое

⁴⁹ Виролайнен М. Н. Речь и молчание: Сюжеты и мифы русской словесности. С. 452.

⁵⁰ Киселев В. С. Метатексты в русской прозе XVIII столетия: эволюция повествовательных форм. С. 27.

исследование доказывает, что названная модель циклизации не только сложилась ранее, к 1759 г., но была гениально реализована в первом частном журнале Александра Петровича Сумароков, воспитав не одно поколение «трудолюбивых пчел».